

На правах рукописи

Волженина Екатерина Викторовна

**Феномен массовой культуры в восприятии русских символистов
конца XIX – начала XX века**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

**Автореферат диссертации на соискание
ученой степени кандидата исторических наук**

Москва – 2015

Работа выполнена на кафедре истории России XIX века – начала XX века исторического факультета ФГБОУ ВО Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Научный руководитель: **Андреев Дмитрий Александрович**
кандидат исторических наук, доцент
(ФГБОУ ВО Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, исторический факультет, кафедра истории России XIX века – начала XX века)

Официальные оппоненты: **Воскресенская Марина Аркадьевна**
доктор исторических наук, доцент
(ФГБОУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет, институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», кафедра теории журналистики и массовых коммуникаций)

Воронцова Ирина Владимировна
кандидат исторических наук, кандидат богословия, старший научный сотрудник
(НОУ ВПО Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Научно-исследовательский отдел новейшей истории Русской Православной Церкви)

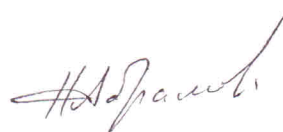
Ведущая организация: **ФГБУН Институт российской истории РАН**
(**Центр по изучению отечественной культуры**)

Защита состоится « » 2015 г. в часов на заседании
Диссертационного совета Д501.001.72 при ФГБОУ ВО Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.
Адрес: 119991, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ, ауд. А-419.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГБОУ ВО Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Ломоносовский проспект, д. 27), а также на официальном сайте исторического факультета: <http://www.hist.msu.ru>.

Автореферат разослан « » 2015 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Н.Г. Абрамова

Общая характеристика работы

Актуальность диссертационного исследования. Актуальность разработки настоящей темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, проблемы ранней массовой культуры в России не изучены в достаточной мере. Данные вопросы требуют проработки для уточнения представления о Серебряном веке как о сложной культурной целостности, включавшей не только «высокую» культуру. Во-вторых, обращение к темам культуры и искусства весьма актуально в современной отечественной исторической науке: оно позволяет прояснить смысл исторических процессов, что особенно касается кризисных эпох. Расцвет русского символизма совпадает по времени с одним из наиболее значимых переломных моментов в европейской истории. В-третьих, обращение к настоящей теме представляется чрезвычайно важным в свете незавершенности в современной России культурно-ценностного самоопределения.

Объектом исследования является русский символизм, рассматриваемый в диссертации как начальный этап масштабного модернистского культурного проекта, предложения которого обществу выходили за традиционные рамки литературы.

Предметом настоящей работы являются восприятие русскими символистами феномена массовой культуры и те взаимоотношения, в которые вступили символизм и массовая культура.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала 1890-х по конец 1920-х гг. Нижняя граница определяется началом активной деятельности представителей русского символизма, конкретно – прочтением Д.С. Мережковским лекции «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» в декабре 1892 г. Верхняя граница работы определяется временем сворачивания культурного модернистского проекта в России, поворотом к новому традиционализму и совпадает с окончанием жизни и карьеры ведущего модерниста в постсимволистский период Владимира Маяковского, покончившего с собой 14 апреля 1930 г. Выход за традиционную для советской историографии грань 1917 г. концептуально важен и позволяет представить символизм в качестве одной из первых ступеней модернизации русской культуры, проходившей в конце XIX – первой четверти XX столетий.

Цели и задачи исследования. Цель данной работы – определить, как русские символисты восприняли и осмыслили явление массовой культуры, отреагировали на него и затем повлияли на его развитие.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи.

1. Произвести изучение теории символизма, созданной в ответ на массовизацию общества.
2. Определить, какой идеал личности предлагали символисты в свете своего специфического видения современной им культуры.

3. Выявить, как символизм осмыслил явление массового модернизма.

4. Проанализировать характер влияния массовой культуры на жизнетворчество русских символистов.

5. Исследовать значение достижений символизма в области массовой культуры для творческой деятельности футуристов в 1910-е и Владимира Маяковского в 1910–1920-е гг.

6. Выявить, каков в целом был вклад символистов в формирование массовой культуры.

Методологическую основу диссертационной работы составили базовые принципы создания исторического исследования – историзма, научной объективности и системности, – а также междисциплинарный подход. Использование в диссертации междисциплинарного подхода обусловлено ее проблематикой, в разной мере разрабатываемой несколькими отраслями гуманитарного знания. Благодаря следованию принципу историзма удалось вписать русский символизм в широкий контекст и, таким образом, рассмотреть вопросы, актуальные именно для исторического знания. Принцип научной объективности позволил добиться высокой степени достоверности результатов настоящего исследования.

Источниковая база исследования. Источники, привлеченные для выполнения целей и задач диссертации, отличаются разнообразием.

Исключительно важную группу источников составляют труды по теории русского символизма.

Первый тип внутри данной группы – работы символистов, максимально приближенные по содержанию (и иногда по форме) к источникам научного плана. К нему относятся сочинения Андрея Белого – «Символизм как миропонимание», «Символизм и современное русское искусство», «Проблема культуры», «Магия слов», «Смысл искусства», включенные Белым в авторские сборники «Символизм»¹, «Луг зеленый»², «Арабески»³, трактаты «Кризис жизни», «Кризис мысли», «Кризис культуры»⁴ и др., статьи Вячеслава Иванова⁵ – «Ницше и Дионис», «Копье Афины», «Кризис индивидуализма», «Ты еси», «Заветы символизма», «О веселом ремесле и умном веселии», «Кручи: О кризисе гуманизма. К морфологии современной культуры и психологии современности», сборник «Родное и вселенское»⁶, его сочинения «Эллинская религия страдающего бога»⁷, «Религия Диониса»⁸, «Анима»⁹. Источники

¹ *Белый, Андрей.* Символизм: книга статей / А. Белый. – М. : Книгоиздательство «Мусaget», 1910. – 633 с.

² *Белый, Андрей.* Луг зеленый: книга статей / А. Белый. – М. : Книгоиздательство «Альциона», 1910. – 249 с.

³ *Белый, Андрей.* Арабески / А. Белый. – М. : Книгоиздательство «Мусaget», 1911. – 503 с.

⁴ *Белый, Андрей.* На перевале / А. Белый. – Берлин : Издательство З. И. Гржебина, 1923. – 199 с.

⁵ *Иванов, Вяч. И.* Собрание сочинений: в 4 т. / Вяч. И. Иванов [под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт; с введением и примечаниями О. Дешарт]. – Bruxelles : Foyer Oriental Chrétien, 1971, 1974, 1979, 1981. – 4 т.

⁶ *Иванов, Вяч. И.* Родное и вселенское: статьи 1914–1917 / Вяч. И. Иванов. – М. : Г. А. Леман, С. И. Сахаров, 1917. – 205 с.

⁷ *Иванов, Вяч. И.* Эллинская религия страдающего бога / Вяч. И. Иванов // Новый путь. – 1904. – №№ 1–9.

⁸ *Иванов, Вяч. И.* Религия Диониса / Вяч. И. Иванов // Вопросы жизни. – 1905. – №№ 6–7.

названного типа проливают свет на ряд вопросов, связанных с массовой культурой, что в первую очередь касается работ Иванова, предвосхищавших местами научные поиски западноевропейских психоаналитиков, и Андрея Белого, выработавшего новое видение культуры – общечеловеческой связи в мире. Эти работы позволяют понять, что такое символизм в восприятии его творцов, и проясняют, каковы были амбиции символистов в области культурного строительства. Форма источников могла быть различной: эссе и трактаты у Андрея Белого, статьи и, реже, родственные научным трактаты у Иванова, литературоведческие сочинения («Л. Толстой и Достоевский»¹⁰ 1900–1901 гг., «Гоголь: творчество, жизнь и религия»¹¹ 1909 г.) у Д.С. Мережковского.

Второй тип первой группы – это источники публицистического характера по общественно-политической проблематике. В основном они созданы Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус. К этому типу относятся сборники статей Мережковского «Не мир, но меч. К будущей критике христианства»¹², «В тихом омуте»¹³ 1908 г., «Было и будет: Дневник, 1910–1914» 1915 г., «Невоенный дневник, 1914–1916»¹⁴ 1917 г., его газетные публикации, а также выступления в Религиозно-философском обществе в Санкт-Петербурге, ряд статей Зинаиды Гиппиус. Также сюда следует отнести некоторые сочинения Блока¹⁵: доклад «Народ и интеллигенция», статью «Стихия и культура», очерки «Интеллигенция и революция», «Искусство и революция. (По поводу творения Рихарда Вагнера)», «Крушение гуманизма», частично «Русские денди», а также «Революция и народное самоопределение»¹⁶ Вячеслава Иванова. Все перечисленные источники служат цели определения общественно-политических взглядов символистов, их отношения к включению масс в активную политическую жизнь.

Третий тип теоретической группы документов русского символизма – литературная критика русских символистов. Особую важность имеет критический цикл Андрея Белого «На перевале», где он характеризовал не столько отдельные произведения, сколько литературный процесс второй половины 1900-х гг. в целом, а также его отдельные отзывы о творчестве В.Я. Брюсова («Брюсов. Поэт мрамора и бронзы»¹⁷) и А.А. Блока (например, «Блок. Обломки

⁹ *Иванов, Вяч. И.* Anima / Вяч. И. Иванов [пер. с нем. С. Л. Франка; подг. текста, предисл., примеч., коммент. и исслед. С. Д. Титаренко; послесловие К. Г. Исупова]. – СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 142 с.

¹⁰ *Мережковский, Д. С.* Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники / Д. С. Мережковский. – М. : Республика, 1995. – 621 с.

¹¹ *Мережковский, Д. С.* Гоголь: творчество, жизнь и религия / Д. С. Мережковский. – СПб. : Пантеон, 1909. – 231 с.

¹² *Мережковский, Д. С.* Не мир, но меч. К будущей критике христианства / Д. С. Мережковский. – СПб. : М. В. Пирожков, 1908. – 208 с.

¹³ *Мережковский, Д. С.* В тихом омуте / Д. С. Мережковский. – СПб., 1908. – 325 с.

¹⁴ *Мережковский, Д. С.* Было и будет: Дневник, 1910–1914; Невоенный дневник, 1914–1916 / Д. С. Мережковский. – М. : Аграф, 2001. – 509 с.

¹⁵ См.: *Блок, А. А.* Собр. соч. : в 8 т. Т. 5, 6 / А. А. Блок. – М. ; Л. : Гослитиздат, 1962.

¹⁶ *Иванов, Вяч. И.* Революция и народное самоопределение / Вяч. И. Иванов // *Иванов Вяч. И.* Родное и вселенское: статьи 1914–1917. – С. 173–186.

¹⁷ *Белый, Андрей.* Брюсов. Поэт мрамора и бронзы / А. Белый // *Белый, Андрей.* Арабески. – С. 448–452.

миров»¹⁸). Существенный интерес представляют критические заметки Эллиса¹⁹ (Л.Л. Кобылинского). Высокое значение перечисленных источников определяется их содержанием: они написаны в ответ на явление массового модернизма, отражают как оценки этого явления символистами, так и их попытки его осмыслить. Кроме того, литературно-критические статьи символистов дают возможность выявить различия в их позициях, внутренние противоречия течения.

Четвертый тип теоретических источников символизма – это манифестарные произведения, подразделяющиеся в свою очередь на три подтипа.

Во-первых, сочинения, тяготеющие к «серьезному», классическому способу обоснования литературных и прочих претензий нового течения в искусстве и/или общественной мысли. Сюда относятся, например, лекция Д.С. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы»²⁰, статьи В.Я. Брюсова²¹ по поводу Манифеста 17 октября 1905 г., спровоцировавшие полемику с В.И. Лениным, статья «Идея неприятия мира»²² Вяч.И. Иванова, привлекающая внимание к мистическому анархизму.

Во-вторых, откровенно эпатажные, «ударные» тексты, принадлежащие главным образом перу Валерия Брюсова. Предисловия поэта к сборникам «Русские символисты», авторскому сборнику «Chefs d'oeuvre» (первое и второе издания), работы «О искусстве», «Ключи тайн»²³ – высококачественные образцы документов, нацеленных на негативную коммуникацию с читателем. Также к данному подтипу относятся текст Андрея Белого «Художники оскорбителям»²⁴ и его предисловие к сборнику «Арабески», написанное с позиции элитарного художника. С символистскими манифестарными произведениями в один ряд следует поставить источники русского футуризма: листовки, манифесты, обращения²⁵ («Пощечина общественному вкусу», «Садок судей II», «Буква как таковая», «Идите к черту!», «Капля дегтя “Речь, которая будет произнесена при первом удобном случае”» и др.), почти полностью рассчитанные на внешний эффект.

В-третьих, документы, созданные в период с 1917 г., озвучивавшие амбиции художников-модернистов в деле создания культуры нового общества. Отличительная их черта

¹⁸ Белый, Андрей. Блок. Обломки миров / А. Белый // Белый, Андрей. Арабески. – С. 463–468.

¹⁹ См., напр.: Эллис. Еще одна корона. По поводу альманаха «Корона» 1908 г. / Эллис [Л. Л. Кобылинский] // Весы. – 1908. – № 2. – С. 62–63.

²⁰ Мережковский, Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы / Д. С. Мережковский // Мережковский, Д. С. Полн. собр. соч. : в 17 т. Т. 15. – СПб. ; М. : Т-во М. О. Вольф, 1912. – С. 209–305.

²¹ См.: Аврелий [В. Я. Брюсов]. Свобода слова / В. Я. Брюсов // Весы. – 1905. – № 11. – С. 61–66; Брюсов, В. Я. Современные соображения / В. Я. Брюсов [под общ. ред. П. Г. Антокольского и др.] // Брюсов, В. Я. Собр. соч. : в 7 т. Т. 6. – М. : Художественная литература, 1975. – С. 110–111.

²² Иванов, Вяч. И. Идея неприятия мира / Вяч. И. Иванов. – Собр. соч. : в 4 т. Т. 3. – С. 79–90.

²³ См.: Брюсов, В. Я. / В. Я. Брюсов. – Собр. соч. : в 7 т. Т. 6. – С. 43–54, 78–93.

²⁴ Белый, Андрей. Художники оскорбителям / А. Белый // Белый, Андрей. Арабески. – С. 226–230.

²⁵ См.: Русский кубофутуризм : [сборник] / Под ред. Г. Ф. Коваленко. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. – 235 с.

– полемическая заостренность по отношению к политикам-модернизаторам. Источники данного подтипа принадлежат Вяч.И. Иванову (доклад «К вопросу об организации творческих сил народного коллектива в области художественного действия»²⁶ 1919 г., «Речь на диспуте “Будущее поэзии” в Политехническом музее»²⁷ 1920 г.) и футуристам. В целом использовались опубликованные источники, либо такие, которые были представлены широкой публике, как «Речь на диспуте “Будущее поэзии” в Политехническом музее» Вячеслава Иванова.

Вторая группа – источники, определившие принципы осмысления символизма как культурного явления.

Первый тип данной группы составляют произведения, заложившие идейный и частично практический базис русского символизма: сочинения Р. Вагнера²⁸, Ф. Ницше²⁹, Вл.С. Соловьева³⁰, отдельные статьи А.И. Герцена³¹, работы Н.Г. Чернышевского³² по эстетике, оказавшие на символистов опосредованное и отрицаемое ими самими, но все же ощутимое влияние. Выбор источников в данной группе определился задачей понять глубинные корни некоторых аспектов идейного багажа символизма.

Вторым типом данной группы являются критические работы о символизме (а также футуризме), которые можно подразделить на следующие подтипы.

Во-первых, критические работы о направлении, принадлежащие русским марксистам: авторам сборника «Литературный распад»³³ 1908 г., Л.Д. Троцкому³⁴, В.И. Ленину³⁵.

Во-вторых, критика условно нейтрального крыла: не прямых конкурентов символистов (и футуристов), но и не слишком близких к ним лиц (А.А. Измайлов³⁶, К.И. Чуковский³⁷, Г.

²⁶ Иванов, Вяч. И. К вопросу об организации творческих сил народного коллектива в области художественного действия / Вяч. И. Иванов // *Берд, Р.* Вяч. Иванов и массовые празднества ранней советской эпохи // Русская литература. – 2006. – № 2. – С. 174–189.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 225. Оп. 1. Ед. хр. 41.

²⁸ См.: *Вагнер, Рихард.* Избранные работы / Р. Вагнер [сост. и коммент. И. А. Барсовой и С. А. Ошерова; вступит. ст. А. Ф. Лосева; пер. с нем.]. – М.: Искусство, 1978. – 695 с.

²⁹ *Ницше, Фридрих.* Рождение трагедии / Ф. Ницше [пер. с нем. В. Бакусева, Л. Завалишиной и др.; общ. ред. И. А. Эбаноидзе]. – Полн. собр. соч. : в 13 т. Т. 1. Ч. 1: Рождение трагедии. Из наследия 1869–1873 гг. – М.: Культурная революция, 2012. – С. 9–146.

³⁰ *Соловьев, Вл. С.* / Вл. С. Соловьев. – Собр. соч. : в 10 т. Т. 1, 6, 9. – СПб.: Просвещение, 1911, 1913.

³¹ См.: *Герцен, А. И.* / А. И. Герцен [ред. Я. Е. Эльсберг, коммент. И. М. Белявской и Э. С. Виленской]. – Собр. соч. : в 30 т. Т. 16: Статьи из «Колокола» и другие произведения 1862–1863 годов. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – 529 с.

³² *Чернышевский, Н. Г.* Эстетические отношения искусства к действительности (Диссертация) / Н. Г. Чернышевский [вступ. статья, с. 3–34 и коммент. У. А. Гуральника] // *Чернышевский, Н. Г.* Избранные эстетические произведения. – М.: Искусство, 1978. – С. 62–172.

³³ Литературный распад : Крит. сб. – СПб.: Т-во издат. бюро, 1908. – 300 с.

³⁴ *Троцкий, Л. Д.* Литература и революция / Л. Д. Троцкий [печатается по изд. 1923 г.; вступ. ст. Ю. Борева]. – М.: Политиздат, 1991. – 400 с.

³⁵ *Ленин, В. И.* Партийная организация и партийная литература / В. И. Ленин. – Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 12. – М.: Издательство политической литературы, 1968. – С. 99–105.

³⁶ *Измайлов, А. А.* На переломе: Литературные размышления. Вячеслав Иванов. Валерий Брюсов. Зинаида Гиппиус. А. Каменский. Андрей Белый. Ал. Блок. М. Кузмин / А. А. Измайлов. – СПб., 1908. – 59 с.

³⁷ *Чуковский, К. И.* Футуристское действо / К. И. Чуковский // Русское слово. – 1913. – № 279.

Тастевен³⁸, И.И. Ясинский³⁹), позволяющая понять, как новые течения были восприняты современниками.

В-третьих, критика, исходившая от очень близких символизму фигур, в частности, некоторые статьи В.В. Розанова⁴⁰, С.Л. Франка⁴¹, Вл.С. Соловьева⁴². Их значение заключается в необыкновенно метких характеристиках отдельных проявлений символистской практики, которые могли быть даны только людьми, по-настоящему разбиравшимися в «новом» искусстве.

В-четвертых, документы, свидетельствующие о массовом восприятии В.В. Маяковского в 1920-е гг., само создание которых стало возможным в связи с развитием новых форм контакта с читателями. Данный источник – неопубликованные и хранящиеся в РГАЛИ «Записки, присланные В.В. Маяковскому во время его выступлений в г. Воронеже, Ростове, Туле, Смоленске, Минске и др.»⁴³ – дает представление о том, что более всего казалось привлекательным советскому читателю/зрителю в творчестве Маяковского.

Третья группа – источники личного происхождения. Они привлечены главным образом в разделе о житнетворчестве символистов. Эти источники помогают составить представление о том, как теория символизма соотносилась с практикой, а также дать весь спектр оценок житнетворчества современниками.

Первый тип данной группы – это мемуары.

Во-первых, мемуары самих символистов. Очень большую ценность представляют воспоминания Андрея Белого «Начало века»⁴⁴. Несмотря на то что они чрезвычайно субъективны, как и любой мемуарный источник, и несут на себе отпечаток личных предпочтений Белого, воспоминания помогают воссоздать объемную картину насыщенной жизни русского символизма. Мемуары включают как критику Белого по отношению к ряду явлений массовой культуры, так и выразительные портреты его коллег по символизму.

Во-вторых, мемуары, создававшиеся персонами, в том или ином отношении близкими к символистам (Л.Д. Блок⁴⁵, В.А. Злобин⁴⁶ – секретарь Мережковского), а также воспоминания

³⁸ Тастевен, Г. Футуризм (На пути к новому символизму) / Г. Э. Тастевен. – М. : Ирис, 1914. – 79 с.

³⁹ Ясинский, И. И. Вывесочный ренессанс / И. И. Ясинский // Биржевые ведомости. – 1912. – Утрен. вып. № 13268.

⁴⁰ Розанов, В. В. Среди иноязычных (Д. С. Мережковский); Трагическое остроумие / В. В. Розанов // Д. С. Мережковский: Pro et contra. Личность и творчество Д. Мережковского в оценке современников: Антология [сост. А. С. Николокин]. – СПб. : Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2001. – С. 82–103, 104–108.

⁴¹ Франк, С. Л. Артистическое народничество (Вячеслав Иванов «По звездам») / С. Л. Франк. Русское мировоззрение. – СПб. : Наука, 1996. – С. 595–605.

⁴² Соловьев, Вл. С. Против исполнительного листа / Вл. С. Соловьев // Соловьев Вл. С. Собр. соч. : в 10 т. Т. 9. – С. 288–293.

⁴³ РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 7. Ед. хр. 10.

⁴⁴ Белый, Андрей. Начало века / А. Белый [подготовка текста и комментарии А. В. Лаврова]. – М. : Художественная литература, 1990. – 687 с.

⁴⁵ Блок, Л. Д. И был, и небылицы о Блоке и о себе / Л. Д. Блок. – Времен : Kafka-Press, 1979. – 103 с.

⁴⁶ Злобин, В. А. Тяжелая душа: Литературный дневник. Воспоминания. Статьи. Стихотворения / В. А. Злобин [сост., примеч. Т. Ф. Прокопова]. – М. : НПО «Интелвак», 2004 – 623 с.

тех, кто испытал влияние символизма, не разделяя при этом ряда базовых установок движения (например, воспоминания Вл.Ф. Ходасевича⁴⁷ или Н.Н. Берберовой «Курсив мой»⁴⁸, сюда же можно отнести воспоминания И. Одоевцевой⁴⁹ и Г. Иванова⁵⁰, поэтов следующего поколения).

В-третьих, воспоминания «зрителей» символизма, которыми могли быть и люди, проводившие с поэтами довольно много времени, как Н. Валентинов, автор книги «Два года с символистами»⁵¹, или Бронислава Рунт⁵², свояченица В.Я. Брюсова и работник редакции «Весов», но чуждые их творческим и главным образом жизнетворческим экспериментам.

В-четвертых, воспоминания футуристов-«гилейцев» – В.В. Маяковского⁵³, Д.Д. Бурлюка⁵⁴, В.В. Каменского⁵⁵, Б.К. Лившица⁵⁶, А.Е. Крученых⁵⁷. Они дают фактологический материал о выступлениях футуристов, но требуют тщательного отношения к себе. Эти мемуары писались футуристами уже в советский период и были призваны создать репутацию гонимых в дореволюционной России поэтов, что слабо соотносилось с реальностью.

Дневники – второй тип группы источников личного происхождения – были задействованы как для характеристики целей жизнетворчества (дневники Брюсова, например), так и для восполнения представлений о теории символизма, если таковые невозможно получить из публиковавшихся при жизни поэтов материалов. Последнее относится прежде всего к Александру Блоку, сократившему внимание к публицистике в период с 1910 по 1918 гг., но продолжавшему рассуждать на общественно-политические темы на страницах дневников⁵⁸ и записных книжек⁵⁹.

⁴⁷ *Ходасевич, Вл. Ф.* Воспоминания / В. Ф. Ходасевич [сост., вступ. ст. и коммент. Т. Н. Полетаевой]. – М. : Художественная литература, 2009. – 512 с.

⁴⁸ *Берберова, Н. Н.* Курсив мой: автобиография / Н. Н. Берберова. – М. : АСТ, 2014. – 765 с.

⁴⁹ *Одоевцева, И. В.* [Воспоминания]: Т. 1. На берегах Невы; Т. 2. На берегах Сены / И. В. Одоевцева. – М. : Захаров, 2005. – 430 с., 446 с.

⁵⁰ *Иванов, Г. В.* Собрание сочинений: в 3-х т. Т. 3: Мемуары. Литературная критика / Г. В. Иванов. – М. : Согласие, 1993. – 720 с.

⁵¹ *Валентинов, Н.* Два года с символистами / Н. Валентинов (Н. В. Вольский). – М. : XXI век–Согласие, 2000. – 381 с.

⁵² *Погорелова (Рунт) Б.* Валерий Брюсов и его окружение / Б. М. Погорелова // Воспоминания о серебряном веке [сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд]. – М. : Республика, 1993. С. 24–45.

⁵³ *Маяковский, В. В.* Я сам // В. В. Маяковский [подгот. текста и примеч. В. А. Катаняна]. – Полн. собр. соч. : в 13 т. Т. 1. – М. : Художественная литература, 1955. – С. 7–29.

⁵⁴ *Бурлюк, Д. Д.* Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения / Д. Д. Бурлюк. – СПб. : Пушкинский фонд, 1994. – 381 с.

⁵⁵ *Каменский, В. В.* Жизнь с Маяковским / В. В. Каменский. – М. : Художественная литература, 1940. – 212 с.; *Каменский, В. В.* Его-Моя биография Великого Футуриста / В. В. Каменский. – М. : Кн-во Китоврас, Тип. Т. Ф. Дортман, 1918. – 228 с.

⁵⁶ *Лившиц, Б. К.* Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания / Б. К. Лившиц. – М. : Сов. писатель, 1989. – 720 с.

⁵⁷ *Крученых, А. Е.* К истории русского футуризма: Воспоминания и документы / А. Е. Крученых [с прил. деклараций и ст. А. Крученых, а также ст. И. Терентьева и С. Третьякова]. – М. : Гилея, 2006. – 467 с.

⁵⁸ *Блок, А. А.* Собр. соч. : в 8 т. Т. 7. Автобиография 1915. Дневники 1901–1921 / А. А. Блок. – М. ; Л. : Гослитиздат, 1963. – 543 с.

⁵⁹ *Блок, А. А.* Записные книжки. 1901–1920 / А. А. Блок [под общ. ред. В. Н. Орлова и др.; сост., подготовка текста, предисл. и примеч. В. Орлова]. – М. : Художественная литература, 1965 – 663 с.

Третий тип источников личного происхождения – переписка символистов. Она охватывает различные вопросы организационного и идейного плана, позволяет внести ясность в некоторые противоречия между символистами, в том числе по темам, сопряженным с массовым модернизмом (переписка Брюсова и Иванова⁶⁰, Белого и Блока⁶¹). Оригинальный источник «Переписка их двух углов»⁶² Вяч.И. Иванова и М.О. Гершензона проясняет разницу во взглядах символиста и его оппонента на один из острейших вопросов времени: отношение к культуре – величайшей ценности для Иванова и «системе тончайших принуждений» для Гершензона.

Отдельную группу источников составляют публицистические материалы периодической печати: журнал «Весы», выходящий в 1904–1909 гг. – наиболее значительный, «боевой» период символизма. Материалы издания содержат ценную информацию, позволяющую воссоздать мнения русского символизма по ряду актуальных вопросов времени. К этой же группе относятся газеты футуристов, сходные с их манифестарными документами и выходявшие в пределах одного-двух номеров, а также дореволюционные газеты с заметками о выступлениях футуристов, дающими представление о том, как работал их коллективный имидж.

Степень разработанности темы исследования. В диссертации исследуются три равнозначные взаимосвязанные проблемы, в разной степени изученные современной наукой.

Во-первых, общественно-политические взгляды символистов и идейное содержание символизма в целом, включая воззрения деятелей направления на массовую культуру.

Во-вторых, житнетворчество русского символизма.

В-третьих, массовая культура в России на раннем этапе существования, в том числе мифологический компонент в массовой культуре и русском символизме.

Первый проблемный историографический блок, разрабатывающий тему исследования, посвящен общественно-политическому содержанию символизма и его идейному базису. Традиция рассмотрения символизма в качестве общественно значимого явления русской культуры начинает складываться почти синхронно с признанием его крупнейшим литературным направлением современности. Соответственно, еще до 1917 г. были сделаны первые шаги в изучении общественно-политических взглядов символистов. В «Русской литературе XX века (1890–1910)» под редакцией С.А. Венгерова, написанной в 1914–1918 гг.,

⁶⁰ См.: Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов: Из литературного наследия. Стихи. Проза / Ред. А. Н. Дубовиков и Н. А. Трифонов. – М. : Наука, 1976. – С.428–542.

⁶¹ *Белый, Андрей; Блок, А. А.* Переписка, 1903–1919 / А. Белый и А. А. Блок [публ., предисл. и коммент. А. В. Лаврова]. – М. : Прогресс-Плеяда, 2001. – 606 с.

⁶² *Иванов, Вяч. И.; Гершензон, М. О.* Переписка из двух углов / Вяч. И. Иванов и М. О. Гершензон [подг. текста, прим., ист.-лит. комм. и иссл. Роберта Берда]. – М. : Водолей Publishers; Прогресс-Плеяда, 2006. – 208 с.

однозначно признавалось, что литературные «новые течения» «в начале XX века входят в общий поток революционного подъема, закончившийся победами 1905 года»⁶³.

Советская историография частично поддержала зародившуюся до революции традицию. Так, в 1937 г. В.Ф. Асмус на страницах тома «Литературного наследства» признавал, что направление обнаружило определенное общественно-политическое лицо⁶⁴. Однако в целом изучение общественно-политической составляющей русского символизма в советский период было подвержено идеологизации и политизации. Серьезное исследование общественно-политических взглядов и идейного содержания творчества символистов-эмигрантов, в первую очередь Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус, признанных «декадентами», «врагами революции», не могло производиться по идеологическим причинам. Научные труды о них создавались исключительно за рубежом⁶⁵.

Планомерное и неполитизированное изучение всех сторон русского символизма в отечественной науке началось только в 1990-х гг. В настоящее время в значительной мере исследованы и продолжают исследоваться общественно-политические взгляды символистов, социокультурные основания и институции символизма, его исторический контекст, утопические проекты и историософия символистов⁶⁶, а также религиозно-философская мысль символизма. В данном контексте необходимо отметить работу И.В. Воронцовой, где четко проводится мысль о специфической – «революционно-религиозной» – мысли Д.С. Мережковского⁶⁷. В той или иной степени указанные вопросы поднимаются в значимых работах обобщающего характера, например, в фундаментальном исследовании Аврил Пайман⁶⁸. При этом исторических исследований русского символизма по-прежнему мало, среди

⁶³ Русская литература XX века (1890–1910) : в 2 кн. Кн. 1 / Под ред. С. А. Венгерова. – М. : XXI век–Согласие, 2000. – С. 21.

⁶⁴ Асмус, В. Ф. Философия и эстетика русского символизма / В. Ф. Асмус [отв. ред. П. И. Лебедев-Полянский] // Литературное наследство. Т. 27–28. Сборник: Русский символизм. – М. : Журнально-газетное объединение, 1937. – С. 1.

⁶⁵ См.: Rosenthal, B. G. The artist as prophet and revolutionary: Dmitri Sergeevich Merezhkovsky and the “Silver Age”: Dissertation Thesis, Ph. D. (History, modern) / Bernice Glatzer Rosenthal. – University of California, Berkeley, 1970. – 380 p.; Pachmuss, T. Zinaida Hippus: An Intellectual Profile / T. Pachmuss. – Carbondale: Southern Illinois University Press, 1971. – 512 p.

⁶⁶ См.: Creating Life: The Aesthetic Utopia of Russian Modernism / Ed. by I. Paperno and J. D. Grossman. – Stanford: Stanford University Press, 1994. – 288 p.; Грякалова, Н. Ю. От символизма к авангарду: Опыт символизма и русская литература 1910–1920-х годов (Поэтика. Жизнетворчество. Историософия.): дис. ... д-ра. филол. наук : 10.01.01 / Наталия Юрьевна Грякалова. – СПб., 1998. – 355 с.; Царева, Н. А. Историософская утопия русского символизма: на материале творчества Дм. Мережковского и А. Белого: дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Надежда Александровна Царева. – Владивосток, 2001. – 146 с.; Триодина, И. М. Социально-культурные институты Серебряного века: дис. ... канд. пед. наук : 13.00.05 / Ирина Михайловна Триодина. – СПб., 2003. – 174 с.; Мазур, Л. Э. Тотальный символизм А. Белого как программа конструирования социокультурной реальности: дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Лариса Эдвартовна Мазур. – Тверь, 2008. – 136 с.; Быстров, В. Н. Между утопией и трагедией: Идея преображения мира у русских символистов / В. Н. Быстров. – М. : Прогресс-Плеяда; Кругъ, 2012. – 382 с.

⁶⁷ Воронцова, И. В. Русская религиозно-философская мысль в начале XX века / И. В. Воронцова. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2008. – С. 63.

⁶⁸ Пайман, А. История русского символизма / А. Пайман [авториз. пер. с англ. В. В. Исакович]. – М. : Республика, 2000. – 413 с.

них следует указать на диссертацию А.А. Городницкой, полностью посвященную общественно-политическим взглядам старших символистов⁶⁹, диссертационное исследование В.Л. Семигина о роли Д.С. Мережковского в общественно-культурной жизни России в 1880-х – начале 1890-х гг.⁷⁰, работу А.В. Уньлова «Социокультурные основания богостроительства и богоискательства в России начала XX века»⁷¹, диссертацию О.С. Давиденко, включающую мифотворчество символистов в контекст исторической трансформации общества⁷², труды М.А. Воскресенской⁷³, посвященные русскому символизму и представляющие его в роли моделирующего центра культуры Серебряного века.

Вторая из разрабатываемых в диссертации проблем – жизнетворчество русского символизма – в целом тщательно изучена, по ней имеется внушительный корпус текстов, созданных как отечественными, так и зарубежными учеными⁷⁴. Отечественная традиция изучения жизнетворчества в полный голос заявила о себе в 1970-х гг. Одна из важнейших вех – выход статьи А.В. Лаврова «Мифотворчество “аргонавтов”»⁷⁵ в 1978 г., где прослеживалось, как миф моделировал жизнь русских символистов.

⁶⁹ *Городницкая, А. А.* Общественно-политические взгляды старших символистов, середина 90-х годов XIX века – 1917 год: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Анна Алексеевна Городницкая. – М., 1996. – 204 с.

⁷⁰ *Семигин, В. Л.* Д. С. Мережковский в общественно-культурной жизни России конца XIX века: 1880–1893: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.00, 07.00.02 / Валерий Львович Семигин. – М., 2004. – 392 с.

⁷¹ *Уньлов, А. В.* Социокультурные основания богостроительства и богоискательства в России начала XX века: дис. ... канд. ист. наук : 24.00.01 / Алексей Викторович Уньлов. – Нижний Новгород, 2006. – 185 с.

⁷² *Давиденко, О. С.* Мифотворчество и театральнo-игровые стратегии в литературной жизни Серебряного века как отражение исторического процесса трансформации русского общества конца XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Олеся Сергеевна Давиденко. – Томск, 2010. – 27 с.

⁷³ *Воскресенская, М. А.* Символистское мировидение в русской культуре конца XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Марина Аркадьевна Воскресенская. – Томск, 2000. – 260 с.; *Воскресенская, М. А.* Символизм как мировидение Серебряного века: Социокультурные факторы формирования общественного сознания российской культурной элиты рубежа XIX–XX веков / М. А. Воскресенская [науч. ред. А. Н. Жеравина]. – М. : Логос, 2005. – 236 с.; *Воскресенская, М. А.* Мировидение творцов Серебряного века: исторический контекст и социокультурные факторы формирования общественного сознания российской культурной элиты рубежа XIX–XX столетий: автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Марина Аркадьевна Воскресенская. – СПб., 2008. – 40 с.

⁷⁴ См.: *Carlson, M.* Ivanov–Belyj–Minclouva: the Mystical Triangle / M. Carlson // *Cultura e memoria* I. – Firenze, 1988. – P. 63–80; *Ермилова, Е. В.* Теория и образный мир символизма / Е. В. Ермилова. – М. : Наука, 1989. – 174 с.; *Богомолов, Н. А.* На грани быта и бытия / Н. А. Богомолов // *Театр*. – 1993. – № 5. – С. 159–162; *Богомолов, Н. А.* Петербургские гафизиты / Н. А. Богомолов // *Серебряный век в России*. – М. : Радикс, 1993. – С. 167–210; *Богомолов, Н. А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. Исследования и материалы / Н. А. Богомолов. – М. : НЛЮ, 1999. – 549 с.; *Matich, O.* Dialectics of Cultural return: Zinaida Gippius' personal myth / O. Matich // *Cultural mythologies of Russian Modernism. From the Golden Age to the Silver Age*. – Berkeley and Los Angeles, California: University of California Press, 1992. – 494 p.; *Wachtel, M.* Vyacheslav Ivanov: from aesthetic theory to biographical practice / M. Wachtel // *Creating Life – The Aesthetic Utopia of Russian Modernism*. – P. 151–166; *Rosenthal, B. G.* Political Implications of the Early Twentieth-Century Occult Revival / B. G. Rosenthal // *The Occult in Russian and Soviet Culture*. – Ithaca and London, 1997. – P. 379–418; *Хансен-Леве, О.* Концепции «жизнетворчества» в русском символизме начала века / О. Хансен-Леве [ред. Л. Пильд, Г. Пономарева] // *Блоковский сборник XIV*. – Тарту : Изд-во Тартуского ун-та, 1998. – С. 57–85; *Эткинд, А. М.* Хлыст: секты, литература и революция / А. М. Эткинд. – М. : НЛЮ, 1998. – 685 с.; *Иоффе, Д.* Жизнетворчество русского модернизма sub specie semioticae: Историографические заметки к вопросу типологической реконструкции системы «жизнь–текст» / Д. Иоффе // *Критика и семиотика*. – 2005. – Вып. 8. – С. 126–179.

⁷⁵ *Лавров, А. В.* Мифотворчество «аргонавтов» / А. В. Лавров // *Миф–Фольклор–Литература: [Сб. ст.]*. – Л. : Наука, 1978. – С. 137–170.

Однако вопросы взаимодействия массовой культуры и символизма и коммерческой составляющей жизнетворческих практик символизма до сих пор не освещены в должной мере. Их далеко не всегда затрагивают даже приверженцы «модернизирующего» подхода к изучению русского символизма, которые обращаются к нему главным образом «для того, чтобы проиллюстрировать какие-нибудь тезисы о модернистской (или авангардной) культурной парадигме, которую именно они-то и открыли»⁷⁶.

Внутри второго проблемного блока работ о жизнетворчестве можно выделить два направления.

Первое из них – это труды, авторы которых сосредоточены на аспектах утопичности тех или иных проектов и установок русского символизма и, условно говоря, его «отрицательных» чертах – излишней театрализации, смещении игры и жизни, калечившем реальные судьбы. Указанное направление представлено в работах В.А. Сарычева, И.М. Триодиной, Дж.Д. Гроссмана о Валерии Брюсове и Нине Петровской⁷⁷. Как правило, в названных работах производится своеобразное «осуждение» символистов, однако встречаются и «оправдывающие» поэтов объяснения. Например, Г.А. Степанова пишет о том, что неосознанное мифотворчество и сознательная театрализация – это диалогическая установка поэта, пропускающего и впускающего мир в себя и отдающего обратно⁷⁸, то есть обусловленная его функцией в обществе.

Второе направление в изучении жизнетворчества – исследования, демонстрирующие практическое значение достижений символизма в области жизнетворчества⁷⁹. В данном ряду выделяются работы крупных зарубежных специалистов по русской литературе Ольги Матич и Ирины Паперно⁸⁰. Авторы включают символизм в широкий контекст русской культуры. Это позволяет им делать оригинальные выводы и проводить удивительные, на первый взгляд,

⁷⁶ Кустова, Г. И. Языковые проекты Вячеслава Иванова и Андрея Белого: философия языка и магия слова / Г. И. Кустова // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. – М. : Русское слово, 1999. – С. 483.

⁷⁷ Сарычев, В. А. Эстетика русского модернизма: Проблема «жизнетворчества». – Воронеж, 1991. – 244 с.; Триодина, И. М. Указ. соч.; Grossman, J. D. Valery Briusov and Nina Petrovskaja: Clashing Models of Life in Art / J. D. Grossman // *Creating Life – The Esthetic Utopia of Russian Modernism*. – P. 122–150; также см.: Кураченко, В. А. Социально-эстетическая утопия русского символизма 1900-х годов (критический анализ): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.04 / Вячеслав Александрович Кураченко. – М., 1984. – 171 с.

⁷⁸ Степанова, Г. А. Идея «соборного театра» в поэтической философии Вячеслава Иванова / Г. А. Степанова. – М. : ГИТИС, 2005. – С. 77.

⁷⁹ Бобринская, Е. А. Русский авангард: истоки и метаморфозы: [сборник статей] / Е. А. Бобринская. – М. : Пятая страна, 2003. – 302 с.; Александрова, А. Сквозь призму Вяч. Иванова: жизнетворчество и воздействие на окружающую культурную среду / А. Александрова // *Sub Rosa*. – Budapest, 2005. – С. 27–32; Presto, J. *Beyond the flesh: Alexander Blok, Zinaida Gippius, and the Symbolist sublimation of sex* / J. Presto. – Madison, Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 2008. – 352 p.; Эконен, К. Творец, субъект, женщина. Стратегии женского письма в русском символизме / К. Эконен. – М. : НЛЮ, 2011. – 393 с.; Исупов, К. Г. Судьбы классического наследия и философско-эстетическая культура Серебряного века / К. Г. Исупов. – СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманитар. акад., 2010. – 589 с.; Шишкин, А. Б. Символисты на Башне / А. Б. Шишкин // *Философия. Литература. Искусство: Андрей Белый – Вячеслав Иванов – Александр Скрябин*. – М. : РОССПЭН, 2012. – С. 305–340.

⁸⁰ Matich, O. *The Symbolist Meaning of Love: Theory and Practice* / O. Matich // *Creating Life – The Aesthetic Utopia of Russian Modernism*. – P. 24–50; Paperno, I. *The Meaning of Art: Symbolist Theories* / I. Paperno // *Ibid*. P. 13–23.

параллели. Например, между эстетическими воззрениями Вл.С. Соловьева и Н.Г. Чернышевского⁸¹. Существенный интерес представляет очерк И. Обуховой-Зелинской, разбирающей вопросы моды и имиджа в символизме в свете конкретного воплощения в них устремлений преобразовать реальность силой воображения, но автор сосредотачивается на европейском материале⁸². В некоторых работах показывается, что из опыта символизма, в том числе имевшее отношение к массовой культуре, сохранилось в будущем или оказало на него значительное влияние. В связи с этим необходимо упомянуть исследования Роберта Берда о Вячеславе Иванове⁸³, Андреа Александровой о влиянии мифотворчества символистов на большевистскую политическую культуру⁸⁴, Кирсти Эконен, где автор выходит на проблему влияния женских моделей поведения в символизме на последующее развитие массовой культуры⁸⁵. Тем не менее в трудах о жизнотворчестве символистов вопросы, связанные с развитием массовой культуры в России, обычно лишь обозначены, их целенаправленного рассмотрения нет. Недостаточно внимания уделяется описанию социально-экономических изменений русского общества в 1890–1900-х гг. Характеризуя направление жизнотворчества, необходимо также указать на труды о русском футуризме, уделяющие специальное внимание социальному посланию течения русского футуризма, его мировоззренческой составляющей⁸⁶ и устанавливающие параллели между процессами в области искусства и политики в революционной и молодой Советской России⁸⁷.

Третий проблемный блок разделяется на три направления: научные работы о массовой культуре в России, о «неомифологизме» символистов и мифологическом компоненте в массовой культуре.

Остановимся на первом из них. Зарождение и распространение символизма хронологически пересекается с важным этапом развития культурной индустрии и массовой культуры в России в конце XIX – начале XX вв. Культурная индустрия и массовая культура России данного периода – очень важная тема, но в силу исторических обстоятельств она разрабатывалась в отечественной науке XX в. с большим количеством оговорок. Советская

⁸¹ *Raperno, I.* Op. cit. P. 15.

⁸² *Обухова-Зелинская, И.* Мода и имидж на фоне символизма / И. Обухова-Зелинская // Европейский символизм [отв. ред. И. Е. Светлов]. – СПб. : Алетейя, 2006. – С. 458–481.

⁸³ *Берд, Р.* Вяч. Иванов и массовые празднества ранней советской эпохи / Р. Берд // Русская литература. – 2006. – № 2. – С. 174–189.

⁸⁴ *Александрова, А.* Указ. соч. С. 32.

⁸⁵ *Эконен, К.* Указ. соч. С. 341.

⁸⁶ *Lawton, A. M.* Russian Futurism through its manifestoes, 1912–1928 / A. M. Lawton. – Ithaca: Cornell University Press, 1988. – 353 p.; *Турчин, В. С.* По лабиринтам авангарда / В. С. Турчин. – М. : Изд-во МГУ, 1993. – 246 с.;

Иванюшина, И. Ю. Русский футуризм: идеология, поэтика, прагматика / И. Ю. Иванюшина. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – 310 с.

⁸⁷ *Бобринская, Е. А.* Футуризм / Е. А. Бобринская. – М. : Галарт, 1999. – 192 с.; *Крусанов, А. В.* Русский авангард: 1907–1932 (исторический обзор): в 3 т. / А. В. Крусанов. – М. ; СПб. : НЛЮ, 1996, 2003. – 1, 2 т.; *Sundaram, Ch.* Manufacturing culture: the Soviet state and the Mayakovsky legend. 1930–1993: Dissertation Thesis, Ph. D. (Department of Slavic Languages and Literatures of University of Toronto) / Chantal Sundaram. – University of Toronto, 2000. – 366 p.

историография не могла признать, что массы, главный объект советской культурной политики, в полной мере являются результатом предшествовавшего исторического развития, и тем обозначить преемственность со старым буржуазным миром. Специальной проблемы массовой культуры для советской науки в принципе не существовало. Но как только идеологические препоны исчезли, отечественная наука представила интересные рассуждения о массовой культуре. Ю.М. Лотман высказал мысль о строго социологическом характере понятия «массовая культура» в литературе, определяемого отношением того или иного коллектива к определенной группе текстов⁸⁸.

Несмотря на идеологические ограничения, в недрах советской науки появлялись исследования массовой культуры в России изучаемого периода, до сих пор сохранившие свою актуальность. Трудно переоценить значение трудов Н.М. Зоркой⁸⁹, считавшей, что развитие массовой культуры достигает особого размаха в начале XX в., но имеет в основе длительный подготовительный этап⁹⁰. Н.М. Зоркой была открыта традиция исследования массовой культуры дореволюционной России, которая с годами отошла от установки «только сухие факты»⁹¹ и на настоящее время охватывает разнообразные темы. Отметим в данном ряду работы А. Рейтблата⁹², А.В. Висловой⁹³, Л.И. Тихвинской⁹⁴, А.М. Грачевой⁹⁵. Что касается вопроса о начале существования массовой культуры в России, то он продолжает быть дискуссионным в современной отечественной науке. Учеными избираются различные подходы, вплоть до крайне модернизирующего, утверждающего перманентное существование массового компонента в культуре с античных времен⁹⁶. Впрочем, наибольшее распространение получило мнение о том, что массовая культура формируется в Новое время. В качестве сроков, когда для

⁸⁸ Лотман, Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема / Ю. М. Лотман. – Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. – С. 381.

⁸⁹ Зоркая, Н. М. На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900–1910 годов / Н. М. Зоркая. – М.: Наука, 1976. – 300 с.; Зоркая, Н. М. Музы XX века. Художественные проблемы средств массовой коммуникации / Н. М. Зоркая. – М.: Искусство, 1978. – 304 с.

⁹⁰ Зоркая, Н. М. На рубеже столетий. С. 111.

⁹¹ См., напр.: Рубакин, Н. А. Средства массовой коммуникации и современная художественная культура. Становление средств массовой коммуникации в художественной культуре первой половины XX века / Н. А. Рубакин. – М.: Искусство, 1983. – 310 с.; Летенков, Э. В. «Литературная промышленность» России конца XIX – начала XX века / Э. В. Летенков. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. – 173 с.

⁹² Рейтблат, А. И. От Бовы к Бальмонту: Очерки истории чтения в России второй половины XIX в. / А. И. Рейтблат. – М.: Изд-во МПИ, 1991. – 221 с.

⁹³ Вислова, А. В. «Серебряный век» как театр: Феномен театральности в культуре рубежа XIX–XX вв. / А. В. Вислова. – М.: Рос. ин-т культурологии, 2000. – С. 32–33.

⁹⁴ Тихвинская, Л. И. Повседневная жизнь театральной богемы Серебряного века: Кабаре и театры миниатюр в России 1908–1917 / Л. И. Тихвинская. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 527 с.

⁹⁵ Грачева, А. М. Диалоги Януса: Беллетристика и классика в русской литературе начала XX века: Портреты. Этюды. Разыскания / А. М. Грачева. – СПб.: Пушкинский Дом, 2011. – 365 с.

⁹⁶ См., напр.: Акопян К. З. и др. Массовая культура: учебн. пособие / К. З. Акопян, А. В. Захаров, С. Я. Кагарлицкая и др. М.: Альфа-М; Инфра-М, 2004. – С. 14.

нее складываются все условия, чаще всего фигурирует период от первой половины XIX до начала XX вв.⁹⁷

В зарубежной научной литературе ведется плодотворное изучение вопросов рынка в русской культуре. Важно указать на исследование Светланы Бойм⁹⁸, содержащее ценные выводы о зависимости культурного мифа поэта от условий рынка, работу Алексея Берга 2013 г., полностью посвященную рынку русской поэзии⁹⁹. В ряде зарубежных трудов рассматриваются вопросы отношений модернистов с народной (необязательно только русской), рабочей – словом, не элитарной – культурой¹⁰⁰. Впрочем, все перечисленное – отдельные работы на темы, тесно связанные с массовой культурой. Говорить же о крупных научных школах (как отечественных, так и зарубежных), изучающих русскую массовую культуру рубежа столетий, пока не приходится. Кроме того, нельзя не отметить, что вопрос о связи символизма и массовой культуры (и шире – о взаимодействии «высокой» и «низкой» культур на рубеже XIX–XX вв.) пока лишь обозначен учеными. С одной стороны, интерес символистов к различным фольклорным формам, использование образов и произведений народного искусства от раешника и частушки до лубка и кукольного театра отметили еще современники, например, К.И. Чуковский¹⁰¹, хотя его статьи относятся к жанру публицистики. С другой стороны, взаимовлияние «высокой» и «низкой» культур рассматриваемого времени остается свежей и малоисследованной темой. Одной из немногих работ, посвященной ей, является книга О.А. Лекманова, предложившего оригинальный метод определения степени этого влияния: количественный подсчет текстовых заимствований (главным образом, для эпиграфа) из модернистов, производимых поэтами «третьего сорта» и откровенными графоманами¹⁰².

⁹⁷ Костина, А. В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества / А. В. Костина. – М. : URSS, 2008. – 350 с.; Лебедева, В. Г. Судьбы массовой культуры в России: вторая половина XIX – первая треть XX в. / В. Г. Лебедева. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. – 354 с.; Вислова, А. В. Указ. соч.; Ульянова, Г. Н. Досуг и развлечения. Зарождение массовой культуры / Г. Н. Ульянова // Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. 1. Общественно-культурная среда. – М. : Изд-во Московского ун-та, 2011. – С. 455–526.

⁹⁸ Boym, S. Life and death in quotation marks: Cultural myth of the modern poet: Dissertation Thesis, Ph. D. (Department of Comparative Literature of Harvard University) / Svetlana Boym. – Harvard University, 1988. – 445 p.

⁹⁹ Berg, A. Russian Poetry in the Marketplace: 1800–1917, and Beyond: Dissertation Thesis, Ph. D. (Department of Slavic Languages and Literatures of Harvard University) / Aleksey Berg. – Harvard University, 2013. – 153 p.; см. также: Brooks, J. Readers and Reading at the End of Tsarist Era / J. Brooks // Literature and Society in Imperial Russia, 1800–1914. – Stanford: Stanford University Press, 1978. P. 97–150.

¹⁰⁰ McCauley, K. A. The Aesthetics of production: The Russian Avant-Garde and the rise of socialist realism: Dissertation Thesis, Ph. D. (Slavic Languages and Literatures) / K. A. McCauley. – University of California, Los Angeles, 1995. – 303 p.; Konecny, M. C. The aesthetics of performance in experimental Russian culture of the 1910's: Dissertation Thesis, Volume I, II. Ph. D. (Slavic Languages and Literatures) / M. C. Konecny. – University of Southern California, 1998. – 261 p.; Lavine, L. Sh. Aleksandr Blok's *The Twelve*: The transformation of commedia dell'arte into an epic / L. Sh. Lavine // Slavic & East European Journal. – Winter 2005. – Vol. 49. Issue 4. – P. 570–590; Albanese, J. Propaganda and Aesthetics: The Modern politics of Avant-Garde and workers culture: Dissertation Thesis, Ph. D. (Comparative Literature) / Jennifer Ann Albanese. – Stony Brook University, 2006. – 214 p.

¹⁰¹ См., напр.: Чуковский, К. И. Нат Пинкертон и современная литература. Куда мы пришли? / К. И. Чуковский. – М. : Современное творчество, 1910. – 110 с.

¹⁰² Лекманов, О. А. Русская поэзия в 1913 г. / О. А. Лекманов. – М. : Восточная книга, 2014. – 175 с.

Что касается второго направления третьего проблемного блока – «неомифологизма» символизма, – то колоссальное значение для его разработки имеют работы представителей Тартуской семиотической школы – З.Г. Минц, Ю.М. Лотмана и Б.М. Гаспарова¹⁰³. Эти труды создавались в советский период, вследствие чего представлялись как изучение демократических взглядов символистов. Участники Тартуской школы исследовали компонент мифа в поэтике и мировоззрении русского символизма и пришли к выводу, что мифы и их составные части выступили в роли своеобразной знаковой системы. Открытия Тартуской школы дали основания произвести сравнение трудов К.Г. Юнга о коллективном бессознательном, включить понятия «миф» и «архетип» в разговор о символизме¹⁰⁴, подвели следующие поколения исследователей к мысли, что символизм либо произвел открытие психоанализа независимо от Фрейда и Юнга, либо вплотную подошел к нему и, так или иначе, обогатил понятие «архетип» Юнга, тесно общавшегося с Эмилием Метнером, проводником между русским символизмом и западноевропейским психоанализом. Изучение данного взаимодействия в отечественной литературе намечено, в частности, в работе А.М. Эткинда «Эрос невозможного: развитие психоанализа в России»¹⁰⁵, но оно далеко не закончено. Миф в символизме значительно чаще исследуется не как форма сознания, а как жанр и элемент художественной системы, лежащий в основе построения образов и функционирования устойчивых мотивов, «бродячих сюжетов» фольклора и литературы. Соответственно, исследования на тему «символизм и миф» преимущественно посвящены вопросам мифопоэтики русского символизма¹⁰⁶ и изучают влияние «неомифологического» мышления символистов – на их творчество в традиционном смысле слова, а также на их жизнетворчество.

¹⁰³ Минц, З. Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов / З. Г. Минц // Творчество А. А. Блока и русская культура XX века. Блоковский сборник III. – Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1979. – С. 76–120; Минц, З. Г. Блок и русский символизм / З. Г. Минц // Литературное наследие. Т. 92. Кн. 1. Александр Блок. Новые материалы и исследования. – М.: Наука, 1980. – С. 98–173; Минц, З. Г. Об эволюции русского символизма (К постановке вопроса: тезисы) / З. Г. Минц // А. Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века. Блоковский сборник VII. – Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1986. – С. 7–24; Лотман, Ю. М., Успенский, Б. А. Миф – имя – культура / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. – Таллин: Александра, 1993. – С. 58–75; Лотман, Ю. М. Блок и народная культура города / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 3. – Таллин: Александра, 1993. – С. 185–200; Гаспаров, Б. М. Тема святочного карнавала в поэме А. Блока «Двенадцать» / Б. М. Гаспаров // Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. – М.: Наука; Восточная литература, 1994. – С. 4–27.

¹⁰⁴ См.: Марков, В. А. Литература и миф: Проблема архетипов (к постановке вопроса) / В. А. Марков // Тыняновский сборник: Четвертые Тыняновские чтения. – Рига: Зинатне, 1990. – С. 133–147.

¹⁰⁵ Эткинд, А. М. Эрос невозможного: История психоанализа в России / А. М. Эткинд. – М.: Гнозис, 1994 – 374 с.

¹⁰⁶ См., напр.: Магомедова, Д. М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока / Д. М. Магомедова. – М.: Мартин, 1997. – 221 с.; Чепкасов, А. В. Неомифологизм в творчестве Д. С. Мережковского 1890–1910-х годов: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Артур Владимирович Чепкасов. – Кемерово, 1999. – 225 с.; Осипова, Н. О. Мифопоэтический анализ поэзии Серебряного века / Н. О. Осипова // Наука о литературе в XX веке: История, методология, литературный процесс. – М.: ИНИОН РАН, 2001. – С. 213–234; Арефьева, Н. Г. Древнегреческие мифопоэтические традиции в литературе русского модерна (В. Соловьев, Вяч. Иванов): монография / Н. Г. Арефьева. – Астрахань: Изд-во Астрах. ун-та, 2007. – 269 с.; Полонский, В. В. Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX – начала XX века / В. В. Полонский [отв. ред. В. А. Келдыш]. – М.: Наука, 2008. – 285 с.; Козубовская, Г. П. Рубеж XIX–XX веков: миф и мифопоэтика: монография / Г. П. Козубовская. – Барнаул: АлтГПА, 2011. – 316 с.

При всей ценности последнего рода работ они преимущественно лежат в области исследования художественного литературного творчества.

Наконец, третье направление разбираемого историографического блока – «миф и массовая культура» – прочно вошло в современную науку со времен «Мифологий» Ролана Барта. Настолько, что имеются примеры того, как сами деятели культуры рассказывают об использовании мифологием сознания для выработки наиболее впечатляющих и коммерчески окупаемых продуктов. Так, широко известно и подтверждено самим режиссером сотрудничество Джорджа Лукаса и Джозефа Кэмпбелла¹⁰⁷ в работе над сагой XX века «Звездные войны». В поле исследователей мифа попадают и новейшие явления культурной индустрии – например, в работе Брайана Феннига 2013 г. изучается в том числе и мифологический фундамент имиджа и сценических приемов Леди Гаги¹⁰⁸.

В целом о степени изученности темы диссертации можно сказать следующее. Общественно-политическое и социокультурное значение русского символизма исследовано достаточно хорошо, как и его жизнотворчество. «Неомифологизм» символизма, с одной стороны, и наличие в массовой культуре компонента мифического, с другой стороны, – признанные факты, но качественное «включение» всех указанных тем в контекст становления массовой культуры в России не произведено. Более того, требует дальнейшего изучения проблема массовой культуры и культурной индустрии в России в конце XIX – начале XX вв. Тема взаимодействия символизма и массовой культуры (не народной и не мифа как такового) лишь слегка намечена в историографии.

Научная новизна настоящей работы определяется обширной источниковой базой, особенностями методологии, а именно: широким применением междисциплинарного подхода, позволяющего изучить такое многогранное и неординарное явление, как русский символизм, и выявить его связи со сложным процессом становления массовой культуры в России. Выявление данных связей ранее не становилось задачей исследователей, сосуществование в культуре России начала прошлого века разных культурных пластов, как и тема ранней массовой культуры в России, недостаточно освещены в научной литературе. Проведенное исследование позволило показать, как символизм отреагировал на явление массовой культуры, как последнее повлияло на теоретическую базу и творческую практику символизма. Также удалось выявить преемственность между символизмом и футуризмом в отношении развития элементов массовой культуры и определить, каков был вклад символизма в целом в становление ранней советской массовой культуры. Получением данных результатов обусловлена новизна исследования,

¹⁰⁷ См.: The power of myth / Ed. by Joseph Campbell with Bill Moyers, Betty Sue Flowers. – New York: Doubleday, 1988. – 233 p.

¹⁰⁸ Fennig, B. K. Mythic image in modern pop music and technology: Dissertation Thesis, Ph. D. (Humanities) / Brian Keith Fennig. – The University of Texas at Dallas, 2013. – P. 179.

вносящего вклад в формирование представления о Серебряном веке как о сложной культурной целостности.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что материалы и выводы исследования могут быть привлечены при дальнейшем изучении проблем становления культурной индустрии и ранней массовой культуры в России, при изучении общественно-политических взглядов русских символистов, а также для проведения междисциплинарных исследований, так или иначе связанных с вопросами массовой культуры.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы и выводы могут использоваться при разработке общих и специальных лекционных курсов и учебных программ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического раздела, включающего списки источников и исследовательской литературы.

Основное содержание работы

Во **введении** освещена проблематика работы, цель и задачи исследования, дан обзор источников и литературы по теме диссертации, обоснована ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

Глава 1, **«Русский символизм о массовом обществе»**, состоит из двух параграфов. В главе описаны представления русских символистов о массовом обществе, представлены рекомендации поэтов по решению противоречия «личность или общество», одного из острейших в рассматриваемую эпоху, произведен разбор общественного и личностного идеала символистов, дано их понимание культуры, отличавшееся новизной и оригинальностью, делается вывод о вкладе символистских теоретических наработок в культуру будущего.

Первый параграф главы, **«Противоречие “личность–масса–общество” в осмыслении русского символизма»**, посвящен восприятию символистами противоречия между индивидуальным и коллективным с помощью тернарной оппозиции «личность–масса–общество». Главным итогом этого осмысления стала выработка представления о личностном начале как единственно возможной основе здорового общества, понимания незавершенности любой революции, не затрагивающей духовных основ общества. На основе критерия состояния личности символисты выделили типы общественной организации – «мещанство или христианство» у Мережковского, «легион или соборность» у Иванова, «механический и органический типы» у Андрея Белого, – где каждая пара включала модель массового «безликого» общества и позитивную альтернативу ему. Наиболее отчетливое описание идеала

социальной организации – безгосударственной религиозной общественности – оставил Д.С. Мережковский.

Второй параграф первой главы, **«“Человек-артист” и новое понимание культуры»**, описывает идеал личности, выработанный в русском символизме, – «человека-артиста». Данный идеал создавался в сложных условиях – с оглядкой на угрозу массовизации общества и при кризисе индивидуалистического гуманизма. Идеал символистов должен был стать защитой от господства в будущем «грядущего хама». Такое предложение обществу символизм сделал, так как считал исключительно важным творческое развитие личности, а также в связи с недовольством разьединенностью творца и читателя/зрителя (и специализацией общества в более обобщенном смысле) в современном мире. Предполагалось, что сфера реализации творческого потенциала «человека-артиста» и его деятельности вообще – это пространство культуры. Культуру символисты понимали как универсальную ценность, связующее начало современного общества. В итоге осмысление символистами проблемы массовизации общества и разработка нового идеала человека вкупе с практическими усилиями по подготовке и количественному расширению аудитории подготовили почву для культурной революции и помогли разбавить концентрацию модернизационного проекта политиков-социалистов на экономической сфере, внося, таким образом, вклад в живое творчество масс 1920-х гг.

Глава 2, **«Русский символизм в пространстве массовой культуры»**, состоит из двух параграфов. В главе указывается на противоречия, пронизавшие существование символизма на поле массовой культуры, описано, какие устойчивые механизмы культуры нового типа и культурные продукты были созданы символизмом и какой отклик они нашли у публики.

Первый параграф второй главы, **«“От Беато до плаката”: массовый модернизм в осмыслении символистов»**, посвящен реакции символистов на массовый модернизм, производивший тиражирование их идей и образов. Данная реакция почти у всех символистов была резко негативной: в главе приводятся многочисленные отрицательные отзывы о явлении, наиболее емко сформулированные Андреем Белым. Андрей Белый и Дмитрий Мережковский особо отметили тот факт, что расцвет массового модернизма пришелся на период революции 1905–1907 гг. и последовавшей за ним реакции и совпал с распространением упаднических настроений в русском обществе. Отрицательно отнеслись символисты и к тому, что публика в самом движении интересовалась, как правило, лишь его поверхностным, легко читаемым слоем, что тем не менее не мешало символистам разрабатывать чрезвычайно популярные темы и, вольно или невольно, подстраиваться под вкусы городской публики начала XX в., желавшей разнообразных развлечений и в целом не отличавшейся высоким уровнем образования. В параграфе отмечается, что негативное восприятие символизмом указанных явлений

вписывалось в критику направлением литературного рынка и рынка вообще, в чем проявилось наследование символизма идеям Владимира Соловьева.

Второй параграф, **«Механизмы массовой культуры в жизнетворчестве русского символизма»**, описывает культурные продукты символизма – модели творческого поведения. Подробно разбираются конкретные примеры, специфические черты того или иного образа символиста, отмечается намеренное стирание грани между сценическим и повседневным обликом, показано, какое влияние производили символистские имиджи и их мифотворческие игры как на подготовленную, так и на неподготовленную публику. В параграфе говорится о том, что изначальной целью жизнетворчества было избавление человечества от «денежного варварства» и власти материальных факторов вообще. Цели, однако, не удалось достичь. Символисты прямо участвовали в жизни литературного рынка, разрабатывали темы, потенциально привлекательные для свежей городской аудитории, их модели творческого поведения – имиджи – в итоге выполнили противоположную задачу: не стерли грань между искусством и жизнью и не избавили общество от рынка, а стали востребованными в условиях роста индивидуализма продуктами. В итоге жизнетворчество, замысленное как способ противостояния рынку, превратилось в коммерческое предприятие.

Глава 3, **«Наследие русского символизма в массовой культуре 1910–1920-х гг.»**, включает три параграфа. В главе проанализировано развитие наработок символизма в области массовой культуры, в первую очередь – его жизнетворческих моделей и способов контакта с публикой. Футуристы определяются в качестве основных наследников жизнетворческой линии символизма, Владимир Маяковский выбран как главный транслятор модернизма и элементов массовой культуры в советском обществе. В главе делаются общие выводы о значении символистской теории и практики для массовой культуры рубежа XIX–XX вв. и ее последующего развития.

Первый параграф, **«Русский символизм и футуризм как этапы развития массовой культуры»**, описывает русский футуризм (конкретно – группу «Гилея» с участием В.В. Маяковского) с его специфической стороны – как коммерчески успешный проект, опирающийся на достижения символизма в сфере массовой культуры. Прежде всего указанные достижения относятся к области коммуникации с публикой. Рассматриваются различные творческие формы этого контакта: с помощью печатной продукции, манифестарных произведений, жизнетворческих моделей. Сравнение символистов и футуристов позволяет сделать вывод, что если у первых эпатаж и расчет на внешний эффект сочетались со внушительными усилиями по созданию теоретических основ нового искусства, то футуристы выносили зрелищность на первый план. Модели творческого поведения футуристов создавались не как отдельные, пусть даже и весьма успешные, продукты, а в рамках

коллективного имиджа с тщательно расписанными ролями. Элемент спонтанности оказался сведенным к минимуму. Деятельность русского футуризма была окончательно вынесена из домашних гостиных на подмостки театров, кабаре, артистических кафе, и поэты зарабатывали уже не только славу, но и деньги.

Второй параграф третьей главы называется «**Маяковский – советский поэт масс**». В нем рассмотрено, как Владимир Маяковский, самый знаменитый и успешный русский футурист, использовал на протяжении всей своей карьеры, равно успешной до и после 1917 г., одни и те же приемы, типичные для массовой культуры. Показано, как имидж поэта плавно трансформировался в связи с историческими изменениями, как он реагировал на общественный запрос, при этом определено, что ядро имиджа Маяковского было сохранено. Отдельное внимание в параграфе уделяется претензиям поэта и его соратников, проявленным сразу после Февральской революции, а также несколько лет спустя в области руководства культурной политикой, в чем также отражается преемственность с символизмом. Подобные попытки были пресечены властью, считавшей культуру важной сферой жизни.

Заключительный параграф главы, «**Символизм, миф и массовая культура**», подводит своеобразный итог и освещает вклад символистов в формирование массовой культуры, в том числе – ранней советской массовой культуры, в целом. С одной стороны, в параграфе описывается открытие символистами универсальных конструктов сознания, что позволило им принять участие в модернизации сознания: с помощью универсального языка символов-архетипов традиционное религиозное сознание было «переведено» в светское культурное, существующее в пространстве массовой культуры. С другой стороны, подчеркивается высокая значимость для символистов гуманистической культуры. Наконец, разбираются отдельные эпизоды, позволяющие сделать вывод, что некоторые из символистов после 1917 г. сохраняли уверенность в том, что смогут принять самое активное участие в формировании культурного облика нового мира и представляли его именно как культуру масс.

В **заключении** подводятся итоги исследования, даются ответы на поставленные в его начале задачи, представлены основные выводы автора.

Положения, выносимые на защиту:

Во-первых, обращение русского символизма к проблемам массовой культуры было вызвано глубинными изменениями русского общества на фоне развития капиталистических отношений, выразившимися в появлении городской культуры современного типа и, как следствие, в создании потенциальной аудитории массового искусства.

Во-вторых, русский символизм отреагировал на угрозу массовизации общества и возможного «провала личности», разработав представление о «человеке-артисте». Создание

концепта «человек-артист» и расширение аудитории искусства – вклад символизма в подготовку советской культурной революции.

В-третьих, существование русского символизма в рамках культурной индустрии пронизано противоречиями. Критикуя рынок как таковой, символисты прямо участвовали в нем, что привело к коммерциализации символистского жизнотворчества и созданию культурных продуктов нового типа – имиджей.

В-четвертых, приемы символизма по взаимодействию с массовой публикой были развиты русским футуризмом, усилившим его коммерческий аспект. В советский период проводником массовой культуры стал Владимир Маяковский, чья сценическая деятельность свидетельствует о продолжении существования в Советской России культурной индустрии в видоизмененных формах.

В-пятых, русские символисты благодаря открытию универсальных конструктов человеческого сознания – символов-архетипов – внесли весомый вклад в модернизацию сознания: его переход от традиционного религиозного состояния к современному культурному светскому, существующему в пространстве массовой культуры.

В-шестых, русский символизм – начальный этап модернизма – и модернизационный проект большевиков имели общую цель: преодолеть господство материальных факторов над жизнью человека. Цель не была достигнута, но шаги к ней способствовали завершению перехода общества от традиционного к индустриальному.

В публикациях по теме диссертации отражен личный вклад диссертанта в исследование.

Публикации по теме диссертации

1. Волженина, Е. В. «Радуйся, Саша! Теперь водка наша». Маяковский-художник: от литографии до советского плаката / Е. В. Волженина // *Родина*. – 2012. – № 12. – С. 114–117 (Журнал входит в перечень изданий, утвержденных ВАК).

2. Волженина, Е. В. Элементы массовой культуры в выступлениях российских кубофутуристов / Е. В. Волженина // *Вестник Московского университета. Серия 8. История*. – 2013. – № 5. – С. 42–51 (Журнал входит в перечень изданий, утвержденных ВАК).

3. Волженина, Е. В. Русский символизм в поисках будущего / Е. В. Волженина // *Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской Православной Церкви*. – 2014. – Вып. 1 (56). – С. 97–106 (Журнал входит в перечень изданий, утвержденных ВАК).

4. Волженина, Е. В. Образ будущего в русском символизме / Е. В. Волженина // *Культура: поиски будущего. Навигация – Маяковский / Под ред. Л. А. Булавка-Бузгалиной*. – М. : КомКнига, 2014. – С. 126–135.